

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА НАСЛЕДНИКОМ, ИМЕЮЩИМ ПРАВО НА ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ДОЛЮ ПРИ НАЛИЧИИ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© 2019 Мусабилова Динара Анваровна

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, д. 10

E-mail: MusabirovaDinara@mail.ru

© 2019 Мельникова Наталья Николаевна

магистрант третьего года обучения

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, д. 10

Настоящая статья представляет собой исследование специфики определения лиц, имеющих право на получение обязательной доли в наследстве при наличии иностранного элемента. Авторы выявляют сложности определения оснований для признания лиц в качестве таковых, указывают на наличие нескольких диаметрально противоположных позиций правоприменителя по данному вопросу, а также предлагают использовать иной подход в разрешении подобного рода конфликтов.

Ключевые слова: обязательная доля в наследстве, иностранный элемент, основания признания лица нетрудоспособным.

Учитывая все разнообразие современных правоотношений в масштабах общемирового правового регулирования, сложно найти более универсальный — в плане его распространенности и примерно единого толкования его существа — институт, нежели наследование. Он же по праву является и одной из самых древнейших категорий правовых предписаний, потому достаточно велик круг норм, регламентирующих наследование. Кроме того, несмотря на идентичность его понимания во всех известных правовых порядках (т.е. передача имущества умершего), сам процесс такой передачи, круг наследников, правила выделения долей, находятся в жесткой взаимосвязи с местными традициями и обычаями.

Отмеченная тесная связь с обычаями и иными традициями обуславливает наличие существенных различий между внутренним законодательством в правовом регламентировании в области наследования. Как верно отмечается в литературе — подобного рода регулирование «осуществляется комплексно с учетом обычаев, традиций, религий, моральных и нравственных особенностей каждого народа, что представляет определенную сложность в выработке единых правил при принятии наследства. Поэтому существует разнообразие в правовом регулирова-

нии наследственных отношений, и, в частности, наследования имущества умершего» [3; С. 36].

Число дел, связанных с наследственным правопреемством с элементами МЧП, начало активно расти лишь во 2ой половине XX в., ввиду общего изменения экономических и политических условий, а также развитием миграции населения не только в пределах одного государства. Переселенцы, умирая на новом месте жительства, оставляли имущество, обеспечение передачи которого приемникам-иностранцам становилось заботой законодателя. На данном же этапе, основной в нашем законодательстве (правда весьма небольшой) круг норм, посвященный уяснению ответов на вышеуказанные вопросы, содержится в тексте Гражданского кодекса РФ (части третьей) (далее — ГК РФ).

Сообразно увеличению числа дел подобного толка, проявились и различного рода сложности, о чем свидетельствует увеличение споров по рассматриваемой категории дел. Так, например, правило об обязательной доле в наследстве, существующее в большинстве стран континентальной правовой системы, фактически неизвестно странам англосаксонского права.

Видится справедливым мнение о том, что наличие института обязательной доли в российском наследственном праве призвано поддер-

жать отдельную категорию лиц, нуждающихся в особой защите (из-за возраста или состояния здоровья), а также обеспечить их материальным достатком.

Наследственное право Франции и Германии также содержит указание об обязательной доле в наследстве при наследовании имущества наследодателя [4; С. 42]. Так, в Германии, например, согласно § 2303–2338 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) [5] предусматривается «система обязательной доли», согласно которой «обязательный дольщик» является не наследником по закону, а лишь кредитором, который вправе требовать выплаты ему определенной суммы наследниками по завещанию. В Англии, напротив, законодательству неизвестны такие понятия, как «резерв» или «обязательная доля» [4; С.44].

Следовательно, институт обязательной доли как в отечественном праве России, так и большинства иных развитых стран признается и существует. Но если у нас он имеет исключительно социальный окрас и направлен на охрану имущественных интересов нуждающихся по какой-либо причине лиц, при жизни наследодателя тесно связанных с ним; то в зарубежных правовых порядках вхождение в круг обязательных наследников обычно никак не связано с нетрудоспособностью, несовершеннолетием, иждивением, совместным проживанием. Обязательные наследники — просто потомки наследодателя, а также субсидиарно родители и супруг [9; С. 32].

Анализ практики применения правил об обязательной доле, «отягощенной» иностранным элементом, показал, что при реализации такого указания российского законодателя возникает значительный ряд трудностей, связанных с определением существа (и, главное, порядком такого определения) нетрудоспособности.

Рассмотрим такое дело [2]. Истец обратился в суд к нотариусу г. Москвы с иском о признании себя наследником обязательной доли. Указал, что является сыном наследодателя, а также нетрудоспособным инвалидом ввиду наличия онкологического заболевания. В дело были представлены документы о наличии болезни (но не инвалидности).

Суды первых двух инстанций отказали в иске. Оспаривая их резюме в кассационном порядке, истец указал, что его местом жительства является США и он не имеет возможности по состоянию здоровья прибыть в РФ для оформ-

ления инвалидности по нормам отечественного права.

В кассации суд поддержал репуте первых двух инстанций, обосновав свои выводы правилами ст. 1 ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [8], что «признание лица инвалидом осуществляется федеральным учреждением медико-социальной экспертизы» по правилам, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 года № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» [6]. Правоприменитель также указал, что применимы именно эти нормы права, поскольку истец является гражданином РФ, значит, его личным законом должно быть отечественное право, и именно в соответствии с его содержанием должны устанавливаться юридические факты, с которыми тесно связано возникновение регулируемых российским правом отношений.

Действительно, в данном случае в рассуждениях правоприменителя можно обнаружить здоровое зерно — наличие инвалидности (автоматически означающей по российскому праву нуждаемость) документально подтверждено не было. Но и в противном случае суды настаивают на необходимости получения документов о наличии инвалидности исключительно по меркам российского права.

Так, истец по одному из дел обратился в суд о выделении ему обязательной доли, поскольку являлся гражданином РФ и инвалидом со степенью утраты трудоспособности 50, установленной 01.07.2008 г. Нижнесаксонским земельным управлением социальной защиты молодежи и семьи (ФРГ). Суды трех инстанций отклонили наличие этого документа ссылаясь на отсутствие признания истца инвалидом федеральным учреждением медико-социальной экспертизы [7].

Полагаем, что подобное толкование действующих правовых норм приводит к нарушению принципа справедливости. Сверх того, отдельные существующие в нашей правовой практике решения базируются прямо на противоположном подходе.

Так, по одному из дел было установлено, что за получением обязательной доли обратилась гражданка Казахстана, дочь наследодателя с российским гражданством. По ее мнению, поскольку она уже достигла пенсионного возраста (на тот момент), а именно — 55 лет, значит, она не трудоспособна со всеми вытекающими из этого в сфере наследования последствиями.

Другие же заинтересованные по делу лица, настаивали на необходимость применения личного закона истицы, т.е. Казахстана, по смыслу которого истица еще не является пенсионеркой.

Суд первой инстанции не встал на сторону обращающегося лица. Однако судебная коллегия вышестоящего правоприменителя [1] не согласилась с указанным выводом, поскольку в данном случае речь идет не об определении правового статуса истицы (о чем говорит ст. 1205 ГК РФ о личном законе), не о признании за наследницей права на получение пенсии либо признания ее нетрудоспособной, а об установлении критериев для закрепления за нею правомочия на получение обязательной доли.

Таким образом, применительно к спорным правоотношениям критерием для определения права наследника на обязательную долю, его нетрудоспособность, определяется исключительно фактом достижения им установленного возраста 55 (60) лет, вне зависимости от признания этого факта на территории государства проживания истца. Подобный подход, полагаем, отвечает существу установленных нашим законодателем

требований, а подобное решение дела — видится правомерным и соответствует принципу справедливости.

Возвращаясь к предыдущим примерам из правоприменительной практики, следует отметить, что цель признания за лицом права на обязательную долю, как указывалось выше, сводится к необходимости обеспечения средствами нуждающегося лица. Основанием для такового является признание инвалидности в официальном порядке, однако закон не ограничивает каким-либо образом возможность признания за конкретным лицом подобного состояния правом порядком иностранного государства.

Полагаем, с целью наиболее полного соблюдения прав нуждающихся наследников необходимо и в нормативном массиве закрепить правило о не применении ст. 1205 ГК РФ к подобного рода ситуациям, поскольку признание инвалидности должно приниматься российским судом за данность и в том случае, когда оно подтверждено в уполномоченном порядке иным государством.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 17 июня 2015 г. по делу № 33–5459/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 ноября 2014 г. по делу № 33–43571 // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Баринов Н.А., Блинков О.Е.* Наследование в международном частном праве и сравнительном правоведении // *Наследственное право.* 2013. № 1. С. 33–40.
4. *Войтович Е.П.* Наследование обязательной доли в международном частном праве // *Наследственное право.* 2018. № 3. С. 40–44.
5. Гражданское уложение Германии от 18 августа 1896 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // *Собрание законодательства РФ.* 2006. № 9. Ст. 1018.
7. Постановление Президиума Московского городского суда от 21 сентября 2012 г. по делу № 44г-138 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ.* 1995. № 48. Ст. 4563.
9. *Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало / М.В. Бандо, Р.Б. Брюхов, Н.Г. Валеева и др.* — М.: Статут, 2016. — 256 с.